

"Степень свободы, необходимая для экспериментов, есть только в дополнительном образовании"

29.10.2013

Автор: В. Гатов

руководитель Медиа Лаборатории РИА Новости, журналист, медиа-аналитик

Об образовательных реформах, медиаграмотности и ультраконсерватизме бабушек.

В США на уроках цифровой грамотности учат вести собственные блоги, работать с аудиторией. Не кажется ли вам, что образование в области медиа должно быть повсеместным и обязательным в некотором роде?

Вообще-то digital/media literacy не о том, как вести блоги или писать твиты. Это, прежде всего, уроки о том, что масс-медиа занимают значительную часть жизни, и с ними нужно уметь обращаться — и потреблять, и критиковать, и создавать собственные. Так что медиаобразование — это развитие критического мышления, способности противостоять медиа-манипуляции. Я совершенный сторонник медиаобразования, причем, не только как отдельного и обособленного предмета, но и интеграции его в другие курсы. Впрочем, следует различать «грамотность» и «образование». Первое большинство современных детей постигают, в той или иной степени, самостоятельно: интерфейсы компьютеров, планшетов, телефонов более чем дружелюбны и учат сами. Но способность управлять своим потреблением информации, умение задавать вопросы и получать ответы сами собой не приходят. К сожалению, это и к учителям относится.

Как развиваются и куда движутся сейчас детские СМИ? Медиа для детей и медиа, создаваемые детьми.

Достаточно очевидно, что медиа для детей, как и большинство других СМИ, сегодня находятся в застое, если не сказать в кризисе. Даже у таких гигантов, как Disney, виден кризис идей. Ограничения, наложенные законодательством в большинстве стран, приводят к смещению их в область максимально отвлеченного просветительства и развлечения. Разного рода медиафобии, которые были ответом общества на всё возрастающий вал коммуникаций, мешают развитию СМИ, ориентированных на молодых читателей. В итоге этот сегмент освобождается для компьютерных игр — в том числе и тех, в которые бы детям лучше не играть, с жестокостью, насилием, логикой измены и т.д.

Разного рода медиафобии мешают развитию СМИ, ориентированных на молодых читателей.

Что касается СМИ, создаваемых детьми — это, как мне кажется, большая редкость, особенно для России. Создаются ли они в рамках учебного процесса или во внешкольных проектах. Мне известны несколько проектов в Жуковском, в Барнауле, в Екатеринбурге, но они уникальны.

Где вообще сейчас находятся по отношению друг к другу дети и медиа?

А это интересный вопрос. Условно говоря, дети существуют в медиапространстве. И хотя они ограничены маркерами 16+, я не видел родителей, которые прогоняют подростков от телевизора, где идет выпуск новостей. Среди интеллектуальной среды скорее можно встретить принципиальный отказ от телевизора в пользу более контролируемого просмотра, будь то DVD или даже интернет. Насколько я понимаю, отношение к ТВ — своеобразный маркер социально-политического поведения: люди всегда хотели жить в Галактике Гутенберга, но в галактике Первого канала или ВГТРК уже отказываются.

Вы создали модель постжурфака, а какого человека вы ждете на входе? Как должна измениться школа, чтобы готовить к новому высшему образованию?

Постжурфак — это достаточно умозрительное упражнение, которое исходило в большей степени из потребностей работодателей — современных СМИ и «медиа завтрашнего дня». Такую конструкцию следовало создавать лет 5-7 назад, чтобы сегодня она уже обеспечивала кадровый рынок. Но, к сожалению, образование очень медленная институция — изменяя что-то в школе сегодня, мы получаем устойчивый результат примерно через 10 лет. В развитых обществах, как мне представляется, сложилась «образовательная революционная ситуация». Части системы, созданные в глубоко индустриальном обществе и призванные выдавать конвейерный продукт, пригодный для того же конвейера, входят в противоречие с постиндустриальным обществом. Да, государству все еще нужен человек старой образовательной системы — с одинаковыми, упорядоченными знаниями, обученный подчиняться, стремиться к хорошим оценкам и вести себя в коллективе, «хорошо унифицированный человек». Исправный и послушный середняк лучше управляется и платит налоги. Но дальнейшее развитие цивилизации требует совершенно других людей, с другим набором базовых знаний, с наивысшей степенью свободы. Те задачи, которые сегодня необходимо решать, не имеют никакого отношения к конвейеру, они творческие. Надо говорить о глубокой перестройке и базовых школьных курсов, и самого принципа отношений ученика с учителем. Коммуникативный подход в

педагогике — одна из попыток вырваться за пределы традиционного метода. Навешивание на базовый курс разного рода «виньеток» и «рюшечек» в виде внешкольного образования — другая.

Отвечая на вопрос о том, какого студента хотелось бы иметь на «входе» университету нового типа — прежде всего, думающего. С развитым критическим мышлением. С пониманием основ, но не заученным, а выработанным самостоятельно, при поддержке и в споре с учителями. С жадной жаждой знания. С качественными базовыми инструментами для продолжения образования — логикой, риторикой, навыками презентации, английским языком (а лучше — еще б и китайский, хотя бы на уровне понимания, что языки разные), стремлением к чтению вглубь. А то они не только кратким описанием Википедии довольствуются, но заголовками в выдаче Google.

В постжурфаке вы описываете обратно-временную модель, когда изучение предмета начинают с современности, постепенно проводя параллели с прошлым. Насколько она применима к школе?

Одна из важнейших способностей — это способность описать текущее положение дел и связать его с событиями, тенденциями и людьми в прошлом, которые это положение создали и отчасти запрограммировали на будущее. Это как учебник истории, вывернутый наизнанку. Не нужно начинать с фараонов и Хаммурапи; как говорят современные дети — «они давно умерли, зачем нам что-то про них знать?» Но окружающую их реальность они воспринимают прагматично и взыскуют ответов на вопросы «почему так, а не иначе». Давайте в учебниках пойдём наоборот — показывая следствие, которое ученики разделяют сейчас с учителями, как говорится, в ощущениях, и постараемся объяснить, как мы дошли до жизни такой. Действительно, некоторые исторические подходы придется пересмотреть, во многих случаях окажется, что важное из старых учебников окажется на глубокой периферии. Но, одновременно, мы сможем оснастить учеников методом аналитического познания, умением закапываться там, где им самим действительно интересно.

Мы сможем оснастить учеников методом аналитического познания, умением закапываться там, где им самим действительно интересно.

В качестве примера: как минимум половину любого класса, по половому признаку, волнует надвигающаяся на них служба в армии. Почему армия призывная? Почему она такая и так выглядит, устроена, занимает такое место в обществе? Разбирая текущий феномен как капусту, можно при желании докопаться хоть до римских легионов и через это рассказать много необходимого, полезного и востребованного.

Вы не раз писали, что в университетах и школах нужно обязательно преподавать логику, но обязательная логика и так есть в учебных программах, в довольно бесполезном виде. Кажется, вы все же имеете в виду что-то другое?

Наверное, правильнее называть это не формальной логикой, а критическим мышлением. Ученика необходимо оснастить тремя ключевыми методами познания: умением вычленять проблемы, умением обнаруживать закономерности и умением делать выводы, основанные на фактах, а не на предположениях. Логика — это только часть такого пути; риторические упражнения позволяют обнаруживать структуру в тексте и в речи, и создавать свою, например. Сравнительное языкознание, хотя бы в самом базовом виде, предлагает понимание того, что в разных языках могут использоваться разные грамматические формы для выражения одной и той же мысли. И так далее. Логика лежит в основе любого языка программирования — возьмите для базового курса хотя бы разработанный в MIT Scratch, он построен на метафоре LEGO и осваивается современными детьми мгновенно.

Кто должен быть заказчиком таких изменений в образовании?

Образование — это часть общественного договора. Общество уполномочивает государство организовать обучение детей и создать возможности для личного развития взрослых. Спрос на образование — один из важнейших элементов гражданского сознания; следовательно, изменения в образовании должны быть востребованы снизу. Мы в России имеем довольно грустную картину. Результат двадцатипятилетнего кризиса в образовании сформировал в обществе совершенно ложную, я бы сказал, опасную потребность к ультраконсервации образования. Вовлеченные в образование родители, и, что особенно плохо — активные и относительно молодые бабушки и дедушки требуют от школы, чтобы она была такой же, как в их детстве — то есть, 30 и более лет назад. Они поддерживают спрос на ультраконсерватизм, вообще свойственный средней школе, и в штыки встречают, вместе с учителями, любые новации и нововведения. Это касается и формы обучения, и методов оценки, и педагогического подхода, и даже состава образования. Относительно прогрессивные чиновники планируют реформы — и тут сталкиваются с тем, что активное меньшинство требует таких идиотских вещей как введение школьной формы или преподавания Закона Божьего. Ну а массовая ненависть к ЕГЭ, чем ее объяснить?

Бабушки и дедушки требуют от школы, чтобы она была такой же, как в их детстве — то есть, 30 и более лет назад.

Для того, чтобы образовательные реформы дали массовый эффект в науке,

социальных практиках и т.д. — придется ждать и 20, и, может быть, более лет. Посмотрите: построение в СССР системы всеобщего среднего образования, в той или иной степени, законченное в середине 30-х, обеспечило количественный и качественный рывок в науке после 1955-го (там, конечно, не только в этом были причины — и спрос на науку, и борьба за бомбу, борьба за космос, построение нового общества). Но именно те, кто пошел в системно построенную новую советскую школу, составили и продолжают составлять цвет науки. Это люди 1920-1935 года рождения; в школах, где они учились, были и «старые учителя», обеспечившие преемственность качества знания, и уже новые советские — носители новой системы. Но это так, скорее для примера. Такого масштаба социальные эксперименты не стоит повторять.

Как сейчас живет идея постжурфака? Есть ли надежда, что она хотя бы отчасти будет реализована?

Насколько мне известно, в нескольких вузах внимательно прочитали мои предложения и задумались о частичной адаптации к собственным учебным планам. К сожалению, эта модель не может быть реализована в сегодняшнем, достаточно зарегулированном высшем учебном заведении. Есть стандарты, которым необходимо следовать. Есть обязательные квалификационные дисциплины. Степень свободы, необходимая для такого рода экспериментов, есть только в дополнительном образовании, но к нему обращаются уже взрослые, сформировавшиеся люди, тогда как система «подмастерьев» требует подростковой гибкости и способности к адаптации. В общем, я не особенно надеюсь на реализацию своей гипотезы на практике.

Нас читают учителя и преподаватели вузов, которые в отсутствие качественной системы переподготовки пытаются перестроиться под новые условия самостоятельно. Пробуют перестраивать свои программы, методики и себя самих. Быть не лекторами, а менторами, пытаются разобраться в коннективизме, когнитивизме и еще тысяче вещей, которым их не учили в пединституте. Может быть, вы могли бы посоветовать им какие-то важные книги, научные исследования, с которых стоит начать?

Не подумайте, что я уваливаю от вопроса. На самом деле, тут нет заведомых путей и сакрального знания. Педагогические практики должны быть индивидуальными; к счастью, учитель имеет дело с разумным и интерактивным «материалом», который допускает возможность пробовать. Поскольку сам я не педагог по образованию, то давать советы профессионалам по вопросам их компетенций считаю, как минимум, нескромным. Ограничусь несколькими важными новыми книгами в области теории и практики коммуникаций: обе последние книги Дугласа Рашкоффа «Program or Be Programmed» и «Present

Shock» — крайне интересные фронтальные исследования изменения психологии, поведения людей в цифровом мире. Книга лауреата Нобелевской премии Дэниела Канемана «Thinking Fast and Slow» — прорыв в области понимания того, как способ мышления влияет на способность человека к адаптации. Основываясь на совместных исследованиях с гениальным Амосом Тверски, Канеман развивает науку о принятии решений, в том числе, как раз в область образования. Я стараюсь не пропускать лекции и книги сэра Кена Робертсона — и как публицист, и как лектор, и как педагог он обсуждает важнейшие этические проблемы, которые в равной степени относятся и к образованию, и к медиа.

Источник: [EDUTAINME](#)